

Культура и патология: побочные эффекты социализации¹

Текст: А.Ш. Тхостов, К.Г. Сурнов

Александр Шамилевич Тхостов, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой нейро- и патопсихологии факультета психологии МГУ, доцент филиала кафедры в НЦПЗ РАМН, вице-президент Ассоциации клинических психологов, член Европейской школы психоанализа (Париж), стипендиат международного фонда «Культурная инициатива»

Константин Глебович Сурнов, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник кафедры нейро- и патопсихологии факультета психологии МГУ. Область научных интересов: психология Интернета, влияние на человека современных медийных технологий

Традиция культурно-исторического подхода, достаточно долго и эффективно разрабатываемого в отечественной психологии, оставляет в стороне один из ключевых вопросов, связанный с проблемой эффективной адаптации человека к постоянно развивающейся среде. Точнее говоря, это даже не один, а несколько взаимосвязанных вопросов: всегда ли социализация имеет только позитивные следствия, и каково влияние на человека новых социо-культурных условий, среды обитания, типов коммуникаций, новых технологий удовлетворения потребностей? В какой степени изменения социальной и технологической среды могут влиять на изменения в процессе социализации не только высших психических и иных функций, но порождать новые «высшие» формы психической или иной патологии, являющиеся следствием той же самой социализации?

На наш взгляд, постоянное совершенствование технологий социокультурной манипуляции развитием человека, стремительное увеличение числа гуманитарных инноваций и технических средств удовлетворения и формирования его потребностей, да и весь культурно-исторический процесс в целом, закономерно порождают, кроме известных достижений, также и новые формы патологии, не существовавшие ранее. Это, своего

рода, обратная, «темная» сторона культуры, почти невидимая и недостаточно осознанная в современных концепциях нормы и патологии, как в медицине, психологии, так и ряде других смежных областей знания [8, 15]. В этих концепциях загадочным образом непротиворечиво сочетаются две просветительские традиции, идущие от Д. Дидро и Ж.Ж. Руссо: понимание прогресса как безусловного блага и безусловного совершенства «натурального» человека, которого культура только портит.

Эти логически несовместимые утверждения отражают, тем не менее, некоторую реальность, которая должна быть осмыслена. Социализация психических и телесных функций, превращающая их из натуральных, биологических по происхождению, в «высшие», биопсихосоциальные, формирует все расширяющуюся по мере социально-технического прогресса область «новых возможностей» и рубежей человеческой личности: прижизненно приобретаемых, осознаваемых, произвольно регулируемых, социокультурных по происхождению, но недостижимых на предыдущих этапах культурно-исторического процесса психологических образований. А во многих случаях, она создает на том же самом поле зоны специфической «культурной патологии». Попытаемся наметить наиболее очевидные по-

¹Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований по проекту 05-06-80022а

бочные следствия социализации.

Обычно история онтогенеза «высших» человеческих функций излагается как совокупность достаточно «вегетарианских» событий. Маленький ребенок совместно со взрослым (как представителем и носителем культуры) осваивает новые формы и способы деятельности, интериоризуя их (правда не всегда ясно как), и переходя на новый уровень психического функционирования. Однако и теоретические спекуляции, и клинические наблюдения, да и обыденный опыт не очень согласуются с такой «благостностью». Даже обучение ребенка простым пищевым и гигиеническим навыкам не протекает гладко, а сам феномен наказания в широком понимании этого термина (принципиально неустранимый из культуры), вообще делает сомнительным представление об абсолютной гармонии диады взрослый-ребенок или субъект-социум [18, 19]. Есть руками намного проще, чем вилкой. Кататься на коньках, играть на скрипке, да и просто читать не физиологично, поскольку регуляция деятельности телесных функций, влечений и потребностей требует постоянных и довольно серьезных усилий. Усвоение социальных и культурных норм, в принципе, мало чем отличается от усвоения через практику падений закона всемирного тяготения, а через болезненный ожог умения правильно обращаться со спичками.

Здесь представляется принципиально важным сформулировать и интегрировать (в теоретическом и практическом плане) в контекст развития современной психологии ряд важных понятий, соответствующих актуальным вызовам культурно-исторического процесса, а, следовательно, и задачам психологической теории и практики. В уточнении нуждаются сами понятия «насилия», «усилия», точнее, — их соотношение. Неявным и неверным допущением является то, что порождаемая в результате культурной трансформации функция обладает заведомыми преимуществами перед «натуральной», и если мы и сталкиваемся с какими-либо ее несовершенствами, то они суть несовершенства ее освоения.

Однако, преимущество «высшей» функции перед «натуральной» не столь уж очевидно. В.М. Аллахвердов замечает, что ребенок сразу после рождения обладает настолько

совершенной рефлекторной регуляцией (например, хватательный рефлекс позволяет ребенку подтягиваться, ухватившись за поднимающую его руку), которой он не скоро, а может быть и никогда, не достигнет на произвольном уровне, а возможности, скорость и объем информации перерабатываемой на сознательном уровне, никогда не сравнятся с организмическими возможностями человека [1]. Преимущества «высшей» функции в другом: в возможности выйти за границы стимуляции, возможности действовать или не действовать в соответствии с иными, не натуральными правилами, а иногда и вопреки им. При этом следует особо подчеркнуть, что *отказ, торможение, запрещение* как формы социализованной саморегуляции имеют не меньшее значение, чем освоение совместно с взрослым ее *выполнения*.

Усилие, напряжение имеют принципиальное значение для порождения высших форм психики. Именно через торможение, задержку, отказ, напряжение и усилие только и могут объективироваться те или иные функции и феномены психики. Последующая интериоризация должна предполагать обязательный этап экстериоризации, объективации, а последующая постпроизвольность — предшествующую дезавтоматизацию. Знаменитый параллелограмм развития отражает очень важный, но недостаточно осмысленный феномен: возможного ухудшения деятельности на начальном этапе освоения опосредствующих инструментов [4, 9]. Но вне этого невозможно формирование некоторых принципиальных в генетическом плане психологичес-

рамках такой концепции время есть превращенный вариант интериоризованного усилия, связанного с торможением удовлетворения потребностей или фиксации усилия достижения.

Успешное прохождение фазы нормального отчуждения через экстериоризацию и последующую интериоризацию саморегуляции формирует нормальную линейную модель времени, включающую в себя прошлое, настоящее и будущее; дающую возможность как оперативной, текущей регуляции процессов жизнедеятельности, так и долгосрочного планирования. Здесь мы сталкиваемся со своеобразной инверсией: психологические переживания времени сначала рождается как заторможенная деятельность, как протяженное напряжение, а затем само становится высшей формой смысловой регуляции такого усилия и напряжения.

Регуляция имеет смысл, лишь в том случае, если существует представление о времени и жизненной перспективе. Неуспешное прохождение этой фазы социализации может привести к фиксации архаической циклической модели времени, при которой непознаваемые внешние силы своевольно управляют субъектом, и которая не предполагает возможности планирования и делает субъекта полностью детерминированным внешней или внутренней (физиологической) стимуляцией, как, например, при различных вариантах зависимости.

Современными психоаналитиками показано, что не только избыточное насилие, непереносимая или слишком ранняя травматизация яв-

---

Современными психоаналитиками показано, что одним из важных источников психопатологических симптомов является избыточное облегчение условий существования

ких образований. Например, дефицитность этапа произвольной регуляции как центрального звена формирования идентичности, можно рассматривать как психологический механизм нарушения переживания времени и самоидентичности при различных вариантах «зависимости». В

яются источниками психопатологических симптомов, не менее важный их источник — избыточное облегчение условий существования, превращающееся в тормоз развития навыков самостоятельности, сепарации, или даже построения устойчивых границ субъекта. Условия формирования

«психотической личностной структуры» могут быть связаны с феноменом «всеприсутствующей матери», удовлетворяющей все потребности ребенка да момента их актуализации. Таким образом, ликвидируется зазор между актуализацией потребности и ее удовлетворением, зазор, абсолютно необходимый для формирования устойчивого выделения себя из мира: мера физиологической неудовлетворенности есть центр кристаллизации субъектности, сознания, самосознания и устойчивых границ «Я».

Отсутствие необходимого зазора, оптимального усилия на следующем этапе развития, когда ребенок должен выйти из симбиотических отношений с матерью, порождает «пограничную личностную структуру», характеризующуюся постоянным

сена на современную педагогику.

Интенсивное и бесконтрольное развитие современных технологий удовлетворения потребностей, а также умножение и активная деятельность так называемых гуманистических школ психологии и педагогики привело к своеобразному перекосу, дисгармонии в представлениях о соотношении насилия и усилия. В результате стало казаться, что любое, — по принуждению или самостоятельно совершаемое, усилие — это насилие, калечащее психику и тело человека, безнравственное по своей сути, и потому подлежащее решительному иллиминуированию, вплоть до полного устранения из контекста «правильного воспитания».

Одним из закономерных следствий такого концептуального пере-

— это развитие свободного человека. Правда, у лиц, подвергшихся «свободному воспитанию» при психологическом исследовании диагностировались весьма своеобразная самооценка и особенности волевой сферы, значительно затрудняющие как ход дальнейшей социальной адаптации, так и процесс личностного развития [8]. Мысль о том, что *усилие*, перед тем как стать интериоризированным, всегда должно было быть внешним, и по сути имеющим генетическое родство с *насилием*, с гуманистической точки зрения совершенно несимпатична.

Даже в случае благоприятного прохождения ранних этапов социализации, обретение произвольности регуляции своих физических и психических функций тоже не столь уж безопасно. Как в любой сложной системе, за сложность приходится платить большей вероятностью нарушений. В телесной сфере «культурная патология» может проявляться, например, в виде так называемых конверсионных расстройств — нарушений отправления отдельных телесных функций, не основанных на органической патологии. В сфере психических функций «культурная патология» проявляет себя диссоциативными расстройствами — нарушениями произвольной регуляции и десоциализацией целостных психических функций.

То, что в ходе социализации и индивидуализации интериоризироваться может не только модель исполнения, реализации определенной функции, но и модель ее торможения и есть психологический механизм диссоциативных и конверсионных расстройств. Сущность конверсионной патологии заключается в отказе\поломке управления этими функциями. Нарушения движений в случае астазии-абазии, мутизма, нарушении пищеварительных и выделительных функций и прочее, происходят не на анатомическом или физиологическом уровне, а именно как нарушение регуляции, смещение зоны контроля. «Культурность» функции предполагает овладение ей и включение ее в контур произвольной регуляции в соответствии с правилами, не совпадающими с требованиями природы.

Произвольные и произвольные функции в отношении «прозрачности их телесного механизма, сходны только внешне. В условиях нор-

Интенсивное и бесконтрольное развитие современных технологий удовлетворения потребностей, а также умножение и активная деятельность так называемых гуманистических школ психологии и педагогики привело к своеобразному перекосу, дисгармонии в представлениях о соотношении насилия и усилия

стремлением к установлению симбиоза и «опорных» отношений. Избыточная любовь, гипертрофированная поддержка не только не стимулируют развития самостоятельности, но становятся источником аффективных расстройств в случае утраты подобного опорного объекта. Смысл «пограничной личностной организации», прежде всего, в несформированности сингулярности самосознания, невозможности замены опорного объекта, по определению являющегося уникальным.

Формирование «невротической структуры» также, может быть следствием избыточной любви, отсутствием «третьего» в диаде мать-ребенок, оборачивающимся отсутствием необходимости усилий к завоеванию своего места, своего права, ибо это право заранее завоевано [7].

Идея травматизации, непереносимости или избыточности усилия, как ведущего этиологического фактора психопатологических феноменов, некритично заимствованная из классического психоанализа, перене-

коса, в карикатурном, гротескном виде показывающим его научную и практическую несостоятельность, стало появление систем воспитания и учебных заведений, в которых воспитанники во время развивающего занятия, урока могут ходить, лежать, самовольно покидать классную комнату, разговаривать друг с другом, баловаться Интернетом или заниматься «чем хочется», демонстративно «гуманистически» игнорируя усилия педагога. Идеалом воспитания и обучения стала идея об абсолютно «гуманистической» ненасильственной педагогике, когда ученик получает необходимые знания и умения без всякого принуждения, насилия, усилия, без отметок и, желательно, лежаче.

В результате, к моменту перехода в среднюю школу школьники не знают таблицы умножения, а к моменту окончания школы не всегда способны показать на карте мира свою собственную страну. Но все это с точки зрения «гуманистической» педагогики ерунда, ибо основная цель

мального функционирования произвольные функции «прозрачны» для субъекта первично, оно только *еще могут* стать «непрозрачными» при овладении ими. «Прозрачность» (*ло-стпроизвольность*) произвольных функций *вторична*, они *уже стали* «прозрачными» после освоения, но свернутая внутри них возможность снова стать объектными, утратив управляемость, легко демонстрирует себя в сложных ситуациях [14]. Культурное происхождение такого рода расстройств не сводится только к условиям их формирования.

Еще один источник патологии заключен в том, что сама система их социо-культурной регламентации может быть крайне противоречива, то есть, соответствовать тому, что школой Пало-Альто описывается как «double-bind» — система взаимоисключающих требований. Это демонстративно проявляется в отношении потребностей, особенно жестко регламентируемых культурой, например, сексуальности. Эта, одна, из наиболее фундаментальных человеческих потребностей с самых ранних периодов истории регулируется на законодательном уровне, с жесткой, но при этом крайне противоречивой системой запретов, в отношении нарушения которых формируются даже особые «правила нарушения». Неудивительно, что сексуальные расстройства относятся к числу наиболее распространенных [8].

Особый вид «культурной патологии» — различные формы деперсонализации, связанные с нарушениями формирования в онтогенезе субъект-объектного членения. Психологический механизм этого вида психической патологии связан с дефицитностью или нарушениями прохождения этапа «нормального отчуждения» при освоении произвольной регуляции, требующей участия особой психической функции «самоидентификации». Положение Ж. Пиаже о том, что появление эгоцентрической речи связано с трудностями операциональной стороны деятельности ребенка, можно дополнить гипотезой о необходимости нормального самоотчуждения, первичной экстерииоризации «Я» с последующей новой интериоризацией и созданием зрелой идентичности.

Иными словами, и здесь адекватная идентификация есть продукт интериоризации ранее экстерииоризи-

рованного, она формируется в процессе поэтапного формирования способности к произвольной регуляции. Это этап эгоцентрической речи, когда ребенок говорит о себе в третьем лице, что подтверждается относительно поздним формированием в языке личного местоимения первого лица и отсутствием феноменов отчуждения у детей младшего возраста и представителей архаических культур.

Постоянное усилие имеет принципиальное значение для фор-

ности, возрастают с ускорением внедрения технических и социальных инноваций в повседневную жизнь миллиардов жителей планеты. «Невыносимая легкость бытия», обеспечиваемая современными технологиями удовлетворения потребностей, актуально и потенциально чревата серьезными отрицательными последствиями для всего процесса культурно-исторического развития. Еще несколько тысяч безответственно внедренных в жизнь социума «безуслов-

Еще несколько тысяч безответственно внедренных в жизнь социума «безусловно полезных» технологий и личностно развиваться будет не для чего. Да и некому. Или почти некому

мирования высших форм психической деятельности, но и для нормальной функционирования человека.

Здесь культура создает еще одну ловушку, еще один побочный источник возможной патологии. С одной стороны, любая технология, создаваемая культурой, направлена на экономии усилия, на снижение напряжения, облегчение жизни. Как ни странно, прогресс часто имеет своей целью регресс, любые орудия, от палки до машин и компьютеров, призваны облегчить или сэкономить усилия, создать рычаг, модифицировать несовершенное тело, добиваясь результатов, недостижимых в естественных условиях. Бессмысленно отрицать, что человек никогда не сможет обогнать гоночного автомобиля, не сможет летать, если не будет использовать летательных аппаратов, а компьютер безмерно расширяет ограниченные возможности его интеллекта, памяти и прочего. Конечно, человек — субъект и протагонист прогресса. Его главный деятель, и движущая сила. Но, с другой стороны, человек постоянно рискует стать жертвой такого прогресса, на индивидуальном-психологическом уровне оборачивающимся регрессом. Автомобиль приводит к ожирению, а слишком раннее пользование калькулятором не дает возможности сформироваться навыкам арифметических операций. Перекосы и дисгармонии процесса социализации, затрудняющие и даже полностью блокирующие гармоничное развитие лич-

но полезных» технологий и личностно развиваться будет не для чего. Да и некому. Или почти некому.

Лечение любого симптома любой болезни одной таблеткой без осознания подлинных причин болезни, удовлетворение любой потребности нажатием одной кнопки и, вообще, любой способ вынимания «рыбки из пруда» без труда, без личного усилия, без осознания смысла совершаемого действия вредит здоровью личности, а, в конечном счете, и здоровью тела. Стремление к максимальному облегчению с помощью технических и организационных средств абсолютно всех аспектов жизнедеятельности как к основной цели прогресса, таит в себе большую психологическую и социальную опасность. Слишком легкая жизнь — основа постепенного распространения расстройств, относимых нами к группе «культурной патологии». Технологическая переразвитость, кажущаяся легкостью удовлетворения любых потребностей маскирует собой грозную перспективу массовой актуализации «нормальных психических расстройств», личностной недоразвитости, а может быть, и деградации лучших человеческих ресурсов, потенциалов, лучших виртуальных качеств человеческой личности. Мир без целеустремленного усилия конкретной личности к самосовершенствованию — это сон, обморок, смерть, остановка самого существенного направления и цели прогресса.

Человек достаточно давно всту-

пил на этот путь, но последнее время количество побочных эффектов своего выбора резко увеличилось. Вакуум усилия, или если говорить на феноменологическом языке, вакуум самого существования субъекта в современном мире толкает его к искусственной стимуляции, к ситуации, в которой он обретает плотность бытия: это особые, часто патологические формы рискованного поведения, недалеко от него отстоящие экстремальные виды спорта, трансгессионные или криминализованные формы поведения.

В общем направлении цивили-

зации совершать материальное усилие, не очень проясняет проблему выбора: на самом деле ведь проблема не в том, что одним усилием воли невозможно поднять камень: нужно усилие мышц. Речь не идет о том, что усилие перестает измеряться в килограммах, неясно как может воля вообще быть детерминированной.

Но как бы там ни было, идея знаково-символического опосредствования действительно раскрывает специфическую функцию культуры: ослабление усилия. Более того, она отражает еще одну, очень важную ее

опасность «клуба кинопутешествий».

Особым вариантом возможности культуры иллюзорно удовлетворять потребности, или модифицировать их, является создание специальных вполне материальных орудий и технологий. У примеру, порнография и кулинария есть способы управления своими потребностями, помогающие человеку овладевать такими не очень управляемыми состояниями как аппетит или похоть. Это довольно эффективные орудия, но сколь часто они начинают обслуживать сами себя, создавая замкнутую патологическую цепь: еда, как в пирах римских патрициев, переставшая обслуживать пищевую потребность, и порнография, уже не направленная на возбуждение реальной сексуальности. Еще более очевидно это в умении человека создавать искусственные модификаторы своего состояния: наркотики и алкоголь. Конечно, наркомания и алкоголизм обладают психопатологической спецификой, но невозможно отрицать, что они есть продукт культуры.

Значительно облегчая удовлетворение любых потребностей, современные технологии зачастую минимизируют, если не полностью сводят на «нет» собственную деятельность индивидуума. В результате, то есть, в виртуальном пределе развития этого процесса, избыточно технологизированная среда и подчиненные ее законам сограждане живут жизнью конкретного, а порой и чисто виртуального персонажа не *вместе с ним*, а *вместо него*. Подобно ситуации на современной богатой свадьбе, где гости умиротворенно сидят за столом, а танцуют, поют и оживленно разговаривают специально нанятые для этого случая профессиональные артисты. И только один пожилой участник торжества говорит своему соседу: «Как странно, друг, — свадьба наша, а гуляют на ней другие!»

Трудно назвать потребность или жизненно важную задачу, решению которой нельзя было бы способствовать с помощью современных Интернет-технологий. Однако можно поставить вопрос о возможных негативных последствиях и опасности злоупотребления этими технологиями для здоровья.

Научите пятилетнего ребенка играть в компьютерные игры, и он перестанет приставать к взрослым с вопросами об устройстве мира и

Значительно облегчая удовлетворение любых потребностей, современные технологии зачастую минимизируют, если не полностью сводят на «нет» собственную деятельность индивидуума

зации к виртуальному индивидуальному регрессу есть еще одна специфическая ловушка: сама по себе возможность знаково-символического опосредствования как механизма произвольной регуляции и удовлетворения потребностей.

Здесь патология — также следствие побочного эффекта культуры. Знаково-символическое опосредствование, — универсальный инструмент, осваиваемый в онтогенезе, дает возможность овладеть своим поведением через овладение управляющими им стимулами. Это идея, заимствованная у Гегеля, была призвана объяснить возможность влияния на реальное поведение нематериального субстрата воли [6]. Поскольку не очень понятно, каким образом можно «прикрепить» волю к материальному действию, ибо они находятся в разных пластах, то была использована метафора «хитрости» разума, не вмешивающегося в действия природных сил, но сопологающего их в такой последовательности, которая отвечает желанию субъекта, никоим образом не нарушая природных законов.

Например, существование самолета ни в коей мере не нарушает ни одного закона природы, но в природе самолетов не бывает, и его изобретение позволяет человеку совершать действие, несовместимое с его природой — летать. Правда эта идея, позволяя разгрузить волю от необхо-

функцию: возможности знаково-символического удовлетворения потребностей, перенесения действия в символический пласт. Удвоение мира за счет создания знаково-символического пространства, пространства культуры позволяет расширить возможности человека: помимо прямого действия становится возможным действие символическое. Человек, читая книгу, смотря спектакль, картину, слушая музыку, может испытывать почти те же чувства, которые он мог бы испытать, став фактическим героем этих произведений. Расширяя возможное пространство жизни человек никогда не сможет испытать таких событий, за которыми он сможет понаблюдать по телевизору, в кино или театре: культура одновременно и облегчает реализацию многих потребностей, приближая момент удовлетворения, но и лишая деятельность ее сердцевины — самостоятельного усилия.

Вместо того, чтобы включить себя в реальную борьбу, подвергать себя возможным опасностям можно посмотреть по телевизору матч любимой команды или боксерский поединок, вместо того, чтобы самому любить, можно прочесть любовный роман и пр. Безусловно, гениальный драматург или поэт может позволить нам испытать *вместе с ним*, такие эмоции, которых бы мы возможно не испытали сами, но во всем этом чужом пиршестве нас подстерегает

просьбами что-нибудь сделать вместе. Теперь он оставил нас в покое, — обрадуются незадачливые родители. Теперь он перестал развиваться, — встревожится психолог.

Требуют внимательного психологического анализа особые состояния сознания, закономерно возникающие у Интернет-зависимых субъектов. В Интернете высокомотивированный пользователь может оказаться под воздействием очень интенсивного потока сверхзначимой (и зачастую абсолютно бесполезной) для него информации, которую ему нужно (а практически нельзя) успеть, зафиксировать, обработать, не упустив десятков и сотен новых каждую секунду открывающихся возможностей. Перевозбужденный избыточной стимуляцией мозг не может справиться с этой задачей. Сознание субъекта приходит в состояние, сходное с феноменами лобного синдрома, иерархичность и последовательность целеполагания утрачивается, субъект пытается одновременно делать все, не успевает и впадает в своеобразный транс, объективная квалификация которого требует признания как минимум временного, но серьезного нарушения социальной адаптации.

Интернет-технологии помогают получать информацию, но также в высшей степени пригодны и для распространения дезинформации. Эти технологии обеспечивают невиданные ранее возможности общения между людьми, но зачастую используются для создания иллюзии общения. Посредством этих технологий можно красиво решить многие старые медицинские, психологические, педагогические проблемы, но можно нечаянно и создать новые.

Это та же самая ловушка, позволяющая, вроде бы, облегчить удовлетворение потребностей, но, на самом деле, оборачивающаяся их подменой. С. Московичи формулирует довольно интересную психологическую концепцию развития общества. В отличие от классического марксизма, он считает движущей силой развития общества и этиологической причиной его деформаций не развитие производительных сил и их конфликт с производственными отношениями, а развитие способов коммуникации. В условиях промышленного производства, создания городов, распада и деградации традиционной семьи и традиционной стратифицированной модели общества, в

которой человеку было предназначено законное место, происходит необратимая деградация нормальных способов коммуникации. Возникающий коммуникативный дефицит компенсируется развитием прессы, а затем и другими современными коммуникативными технологиями, порождающими специфический феномен толпы: неструктурированного общественного образования, связанного лишь коммуникативными сетями [10]. Однако, эта компенсация исходно ущербна, ее легкость содержит некоторую неполноценность.

Да, чтение газеты создает иллюзию общения, иллюзию принадлежности к некой группе, но именно иллюзию. Продолжив этот ряд, можно утверждать, что Интернет-общение значительно проще, нежели нормальное человеческое общение. Оно не требует таких усилий, оно более безопасно, его можно начать и прервать в любое время, оно позволяет сохранять анонимность (отсюда и столь повсеместное распространение «никнеймов» в Интернете), оно доступно. И именно эта доступность скрывает за собой ловушку. Да, безусловно, в сети можно общаться, знакомиться и даже любить друг друга, правда детей от этого не бывает. Конечно, Интернет-партнер лишен многих слабостей обычного человека, от него не может дурно пахнуть, он не может быть некрасив, но язык не поворачивается назвать это настоящим общением. Интернет-партнер — это вариант индивидуального мифа, нечто вроде карманной кинозвезды,

единению с толпой, будь то группа футбольных фанатов или политическая партия. Для объяснения этого феномена С. Московичи привлекает заимствованные из раннего психоанализа представления о гипнотическом воздействии толпы. На наш взгляд, это наиболее слабое место его теории, ибо для объяснения непонятого используется неизвестное. Более разумное объяснение заключается в том, что толпа, связанная лишь через средства коммуникации, способные создать лишь суррогатные формы общения, стремится компенсировать эту нехватку общения регрессивными симбиотическими связями. Самый большой недостаток суррогатного общения в том, что оно не обеспечивает стабильной идентичности. Именно этот механизм, возможно, лежит в основе расстройств идентификации, как при различных формах психической патологии (современные исследования демонстрируют увеличение числа пограничных расстройств), так и в многочисленных случаях дефицитарности идентификации в психопатологии обыденной жизни.

Эта дефицитарность, особенно явная при резком изменении общественных стереотипов, компенсируется, также как и в индивидуальном психопатологическом случае, созданием компенсаторных, но от этого не менее патологических феноменов психологической защиты и совладания. Бред — это тоже вариант объяснения мира, становящегося все более и более непонятным и угрожающим, а терроризм — не менее отча-

Перспектива постановки на технологически совершенный конвейер производства миллионов «одинаковых и одиноких», личностно недоразвитых людей в десятках произведенных по тем же технологиям одинаковых стран реальна

о которых грезил наши родители, но они, хотя бы, нашли время, чтобы родить нас.

Общество, организованное с помощью коммуникативной сети по С. Московичи есть толпа, обладающая размытой идентичностью, повышенной внушаемостью, утратой рациональности. «Индивид регрессирует к массе» [10, с.293.], стремится к

янная попытка обретения идентичности в глобализирующемся и все менее и менее понятном и интимном мире. Это утверждение — не попытка дать терроризму исчерпывающее и простое объяснение, безусловно, это совершенно неоднозначный феномен, это — скорее попытка привлечь внимание к тому, что терроризм имеет и психологические кор-

ни, связанные с патогенным влиянием культуры.

Массовая культура, неизбежно разрушающая при глобализации традиционное общество и устойчивые формы идентификации, порождает вакуум, который чем-то должен быть заполнен. То, что заменитель не лучшего качества всегда оказывается под рукой, не только вина, но и беда индивида. Но и общество немало для этого делает.

Во всем мире становится все более заметной тенденция «добровольно-принудительного», осуществляемого посредством современных технологий, навязывания отдельным людям и целым сообществам, регионам планеты некой тщательной спланированной системы стандартов, правил, ценностей любой значимой деятельности. Разработка производственных и маркетинговых технологий, а также технологий политических, образовательных, развлекательных подчиняются интересам организаций, собственные ценности и цели которых очень далеки от гуманистических идеалов. Борьба за право и возможность определять, назначать, внедрять свою систему этих ценностей, норм, правил в сознание миллиардов людей — важная и болезненная проблема современной геополитики. Идеальная цель правящей элиты любой сверхдержавы — стать монопольным разработчиком технологий изготовления технологий. Для того, чтобы в обозримом будущем весь мир думал, как сказано, делал, что сказано, покупал, что сказано и, как сказано, развлекался в свободное время. Психологические последствия этого процесса состоят, прежде всего, в затруднении реализации творческого потенциала личности, ее самобытности, уникальности, «самости». Перспектива постановки на технологически совершенный конвейер производства миллионов «одинаковых и одиноких», личностно недоразвитых людей в десятках произведенных по тем же технологиям одинаковых стран реальна. Угрозам глобализации должно быть противопоставлено нечто более существенное, научно обоснованное и действенное, чем стихийные, полудикарские и вполне стандартные (глобалистские!) выходки так называемых «антиглобалистов».

Забавным, но тоже патогенным является сформированный массовой

культурой кентавр, или даже, скорее, василиск, сочетающий в себе глобализацию навязанного идеала и возможность культуры заменить реальное действие семиотическим: деформация образа мира, детерминированные развлекательными телекоммуникационными технологиями. Сама возможность подобной деформации известна с библейских времен. Ключевое понятие этого опасного для развития личности процесса — не

следует рассматривать не как завершенную, безусловно, гармоничную, согласную, радостную совместную деятельность субъекта и социума, но как достаточно жесткую борьбу, шрамы от которой в виде различных форм «культурной» патологии есть плата за возможность обретения нормальной идентичности и адекватной саморегуляции. Психоанализ, также как и культурно-исторический подход, придававший принципиальное

Глянцевые журналы творят кумиров, подражание которым творит невротиков (для которых, в свою очередь, есть специальные глянцевые журналы)

«телекоммуникация», а «соблазн». Но индустриальный размах подобных деформаций сознания был достигнут лишь к двадцать первому веку, и именно благодаря развитию телекоммуникационных технологий.

Всевозможные викторины, лотереи, телевизионные игры, «реальные шоу» с крупными призовыми фондами формируют, особенно успешно в сознании неопытных или не очень развитых людей, жизненные стратегии, в которых целеустремленный труд и, вообще, всякое усилие являются отрицательными ценностями, ассоциируются с принуждением, рабством, неуспехом, позором. Необходимость честно трудиться воспринимается как тяжелая жизненная неудача. Положительной же ценностью назначается случайно успешное угадывание буквы в слове или выкрикнутая в микрофон гебефреническая шутка, приносящие выигрыш, мгновенно меняющий жизнь: миллион рублей, участие в «звездной группе» и т.п. Создана целая культура «назначения» ценностей, упакованных в яркую глянцевую обложку и направленная на целевую молодежную группу. Массовый тираж подобных изданий явно свидетельствует о том, что основным покупателем этой литературы является отнюдь не тот, кто может купить себе рекламируемые в таких изданиях товары, человек покупает мечту, которая недостижима. Глянцевые журналы творят кумиров, подражание которым творит невротиков (для которых, в свою очередь, есть специальные глянцевые журналы).

Социализацию, таким образом,

значение социализации натуральных функций, более правдоподобным считал ее довольно «кровавый» характер.

Цель психологического исследования, открывающего дорогу к последующей первичной профилактике, психокоррекции и реабилитации жертв «культурной патологии», состоит в выявлении условий формирования конверсионных, диссоциативных и иных расстройств психической сферы, психологических механизмов их реализации, скрытых коммуникативных целей, вторичной выгоды и патологических звеньев социализации, прежде всего, в варианте злоупотребления современными технологиями удовлетворения потребностей.

Психологические исследования проблемы «культурной патологии», разработки научно обоснованных программ освоения и использования новейших технологий на методологическом и методическом уровнях призваны помочь процессу превращения новейших технологий («хищных технологий века») в мощные орудия, новейшие современные средства развития и самореализации личности и в значительной степени избежать негативных последствий злоупотребления этими технологиями, столь очевидных и многочисленных в настоящее время. В зависимости от успешности этой работы в значительной степени будет определяться и зона ближайшего развития самого человека как представителя уникального биопсихосоциального существа, важнейшей производной культурно-исторического процесса.

Если условно разделить общую

задачу задуманного исследования на структурно значимые части, то необходимыми подсистемами общей структуры неизбежно окажутся: первичная профилактика, психотерапия и психокоррекция личностных и иных расстройств, связанных с различными злоупотреблениями современными технологиями, психологическая реабилитация и мониторинг оптимального использования современных технологий.

Под первичной профилактикой в этом контексте следует понимать, прежде всего, комплекс психодиагностических, педагогических, особенно воспитательных, мероприятий, призванных еще до знакомства с современными технологиями удовлетворения потребностей создать у ребенка или взрослого систему таких качеств мотивационной сферы, личности в целом, которые позволили бы ему адекватно относиться к этим технологиям. Важнейшая цель этой работы — воспитание осведомленности и ответственности, — знания и нравственного чувства, помогающего сделать личный выбор, принять решение о реализации или запрете любого действия, связанного с использованием современных технологий.

Задача психотерапии и психологической коррекции включает себя, наряду с исследовательской частью, помощь человеку в преодолении возникших проблем, формирование способности к сознательной регуляции процесса интеграции деятельности по освоению новых технологий в общий контекст и структуру когнитивной, мотивационной, нравственной активности личности.

Задача организации психологического мониторинга и разработки методической базы воспитания, обучения, тренинга работы человека с современными технологиями в различных условиях, возможно, является важнейшей, так как при успешном решении этой задачи и фундаментальном внедрении результатов научных разработок в жизнь социума значительно облегчается решение задач первичной профилактики и психокоррекции.

Наконец, еще одной важной задачей предстоящего исследования является разработка единого методического арсенала, диагностического инструмента, который позволил бы исследовать множество совре-

менных технологий по одной схеме. Эта унификация, если она окажется возможной, подтвердила бы теоретическую добротность разрабатываемого подхода, его методологическую обоснованность, непротиворечивость, а также обеспечила бы очень важную для дальнейшей работы возможность сравнивать «хищные технологии века» по существенным параметрам внутри масштабного комплексного психологического исследования.

Предназначение любой технологии, любого технического средства, в конечном счете, состоит в том, чтобы способствовать удовлетворению тех или иных потребностей человека. И каменный топор, и компьютер суть средства удовлетворения потребностей. Технические средства и социальные технологии, разработанные для облегчения жизни, замечательно справились со своей задачей. Они настолько облегчили удовлетворение почти любой потребности современного человека, что усилие, необходимое для удовлетворения потребностей и для совершенствования собственно личностных средств развития и самореализации, стало не нужно. В результате совершенствование собственно личностных ресурсов и потенциала человека замедлилось или совсем не происходит. В комфортном, легком мире в таком совершенствовании нет нужды. Человек удовлетворен, он сыт, ленив, неактивен. Однако, становится все более типичным достижение этого состояния, так сказать, не деятельным путем. Человек достигает чувства удовлетворенности, сытости, но он «наедается» досыта и удовлетворяется отбросами, суррогатами, имитациями и иллюзиями, созданными с помощью технических средств. Достигает чувства удовлетворенности способом, который ведет не к развитию, а к деградации. Уже в прошлом веке Э. Фромм [17] отмечал важнейший для понимания проблем современного социума факт: прогресс не выполнил ни одного из своих великих обетований. В результате прогресса люди не стали ни свободнее, ни счастливее. Интенсивное развитие современных технологий, которым суждено определять организацию жизни человеческого сообщества в двадцать первом веке, еще более обостряет проблему. Прогресс должен быть исследован как один из существенных факторов формирования новых, не существовавших ранее форм аномалий психического развития.

Литература

1. Аллахвердов. В.М. Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания. — СПб., «Речь», 2003, — 364 с.
2. Барт Р. Избранные труды. Семiotика и поэтика. — М., «Прогресс». 1994, — 615 с.
3. Бержере Ж. Психоаналитическая психология. — М., изд. Московского университета, 2002, — 380 с.
4. Выготский Л.С. Избранные психологические труды. М., изд. Акад. наук РСФСР, 1956, — 519 с.
5. Выготский Л.С. Исторический смысл психологического кризиса // Собрание сочинений в 6-ти т. — М., «Педагогика», 1982, Т. 1, С. 228–291.
6. Гегель Г.В.Ф. Система наук. — СПб, «Наука», 1992, — 441с.
7. Каплан Г.И., Сэдок Б. Дж. Клиническая психиатрия, — М., «Медицина», 1994, в 2 т., т.1, — 672 с., т.2, — 524 с.
8. Корольков А.А., Петленко В.П. Философские проблемы теории нормы в биологии и медицине. — М., «Медицина». 1977, — 392 с.
9. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. — М., «Политиздат». 1975. — 304 с.
10. Московичи С. Век толп. — М., «Центр психологии и психотерапии». 1996. — 478 с.
11. Роджерс К, Фрейберг Д. Свобода учиться. — М., «Смысл», 2002. — 527 с.
12. Тищенко П.Д. Био-власть в эпоху биотехнологий. — М., ИФРАН, 2001, — 178 с.
13. Тоффлер О. Одноразовая культура. — М., «Логос», 2001, — 240 с.
14. Тхостов А.Ш. Психология телесности. — М., «Смысл», 2002. — 288 с.
15. Тхостов А.Ш., Сурнов К.Г. Современные технологии и новые границы социокультурной детерминации нормы и патологии // Психология. Современные направления междисциплинарных исследований. Изд-во «Институт психологии РАН». — М., 2003. С. 66–79.
16. Тхостов А.Ш., Сурнов К.Г. Технологические детерминанты определения границ нормы и патологии // Материалы съезда психологов в Санкт-Петербурге. — СПб., 2003.
17. Фромм Э. Иметь или быть? — М., «Прогресс», 1990, — 330 с.
18. Фуко М. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. — М., «Магистерium», 1996, — 446 с.
19. Фуко М. Наблюдать и наказывать. Рождение тюрьмы. — М., «Ad Marginem», 1999, — 479 с.
20. Фуко М. Рождение клиники. — М., «Смысл», 1998, — 310 с.